

Ань Чанцин вовсе не выразил недовольства, как ожидал князь. Он лишь посерьезнел и спросил:

— Когда отправляешься?

— Завтра утром я пойду во дворец за повелением, а выеду самое позднее послезавтра.

Ань Чанцин опустил глаза, немного помедлил и спросил:

— Я могу поехать с тобой?

Сяо Чжигэ качнул головой:

— В Яньчжоу положение крайнее. Нам придется скакать день и ночь без отдыха. Тебе нельзя.

— Я понял, — Ань Чанцин кивнул и не стал спорить. Лишь спокойно добавил: — Тогда я соберу вещи для князя.

В эту ночь они, как обычно, спали в обнимку. Узнав, что Сяо Чжигэ уезжает в Яньчжоу, Ань Чанцин ни словом, ни жестом не проявил своих чувств, и лишь перед сном, крепко прижавшись к нему, выдал свою невольную тоску от предстоящей разлуки.

Хоть юноша и лежал с закрытыми глазами, уснуть он так и не смог. Он изо всех сил пытался вспомнить события прошлой жизни, но обнаружил, что воспоминания об этом времени совсем поблекли. В прошлой жизни в эту же пору Сяо Чжигэ тоже отправился в Яньчжоу. Однако как именно он сражался с врагом и попадал ли в смертельную опасность, Ань Чанцин не знал. Тогда он уделял Сяо Чжигэ слишком мало внимания и лишь из обрывков разговоров слуг слышал, что битва выдалась тяжелой, но закончилась победой.

Но та война была лишь началом. Поднебесная Да Е, оставленная Тай-цзу, в руках императора Аньцина превратилась в пустую оболочку. Внутренние смуты и внешние угрозы скрывались под намеренно поддерживаемым призрачным процветанием. А снежное бедствие стало началом конца этого обмана.

Вскоре после снегопада наступал шестидесятый юбилей вдовствующей императрицы. Чтобы измолить для нее благословение небес, император Аньцин повысил налоги, согнал людей на повинности и развернул грандиозное строительство девяти башен долголетия. Народ на севере, едва переживший зимнюю стужу, снова подвергся жестокому гнету, и в конце концов доведенные до отчаяния люди подняли восстание. С тех пор бунты и их подавления сменяли друг друга бесконечным вереницами.

Беды изнутри и угрозы извне не утихали. Сяо Чжигэ пробыл в Яньчжоу целых три года, пока император Аньцин тяжело не заболел и не издал указ о его возвращении. Лишь тогда князь вновь ступил на землю Ецзина.

В глазах Сяо Чжигэ эта поездка, возможно, казалась лишь недолгой разлукой, но сердце Ань Чанцина разрывалось от тоски. Со дня свадьбы они каждую ночь спали на одном ложе и ни разу не разлучались. Лишь сейчас, столкнувшись с неминуемой разлукой, юноша осознал, что мужчина, лежащий рядом, уже незаметно стал неотъемлемой частью его жизни.

Стоило только представить дни, когда некому будет согревать его озябшие руки и ноги, как в груди становилось пусто, словно вырвали кусочек сердца.

Он с нежностью и тоской свернулся калачиком, сильнее прижимаясь к Сяо Чжигэ. Мужчина,

чувствуя его тревогу, раскрыл объятия, притянул его к себе и стал ласково поглаживать по спине.

Помолдав некоторое время, Ань Чанцин со слегка капризной интонацией прошептал:

— Я тоже хочу в Яньчжоу.

Рука Сяо Чжигэ на мгновение замерла, но в груди обдало жаром:

— В Яньчжоу лютые морозы, земля там глухая и бедная, да к тому же бэйдийцы постоянно совершают набеги. За весь год и пары спокойных дней не выдается. В поместье генерала почти нет слуг... Там совсем не так хорошо, как в Ецзине.

Ань Чанцин уткнулся лбом ему в грудь и глухо пробормотал:

— Но в Ецзине не будет тебя.

— Юбилей вдовствующей императрицы еще не прошел. Как только утихнет война в Яньчжоу, я вернусь, — только и смог ответить Сяо Чжигэ.

Ань Чанцин выпростался из его объятий и, приподнявшись, посмотрел ему прямо в глаза:

— Ты сам это сказал! На юбилей вдовствующей императрицы ты вернешься. А не то... не то я сам отправлюсь за тобой в Яньчжоу!

Сяо Чжигэ решил, что тот говорит в сердцах, снова притянул его к себе, заботливо подоткнул одеяло сзади и со вздохом произнес:

— Хорошо.

Ань Чанцин опять уютно устроился в его объятиях и спустя долгое время тихонько добавил:

— Лекарство по твоему рецепту я буду принимать как следует. Когда ты вернешься... мы с тобой исполним супружеский долг.

Тело Сяо Чжигэ мгновенно натянулось, словно струна, и лишь спустя миг он хрипло ответил:

— Хорошо.

На следующее утро Сяо Чжигэ действительно отправился во дворец на аудиенцию к императору. Он доложил о бедственном положении в Яньчжоу и просил разрешения немедленно вернуться туда для борьбы с бэйдийцами.

Лицо императора Аньцина оставалось непроницаемым, зато наследный принц первым высказался против:

— В Яньчжоу есть помощник командующего, да и восьмидесятитысячная армия на месте. Неужели они не справятся с жалкой кучкой северных варваров? К тому же приближается шестидесятый юбилей нашей венценосной бабушки, а сыновняя почтительность — прежде всего... По-моему, второму брату вовсе не стоит так спешить.

Император Аньцин ничего не ответил, но по его выражению лица было видно, что он согласен.

Его второй сын уже много лет удерживал военную власть в Яньчжоу, превратив регион в неприступную крепость. И хотя явных признаков измены пока не наблюдалось, это всё равно внушало опасения. Повод в виде юбилея вдовствующей императрицы был использован именно для того, чтобы вызвать его в столицу и в его отсутствие расставить в Яньчжоу своих людей.

И хотя император Аньцин рассчитывал, что сын продолжит надежно защищать границы, оставаться без предосторожностей он не мог.

Взгляд Сяо Чжигэ стал острым, как клинок. Он холодно посмотрел на наследного принца:

— Я могу не возвращаться. Но если город падет, готов ли венценосный брат взять на себя ответственность вместо меня, главного командующего обороной? Готов ли ты заплатить собственной жизнью за подданных Яньчжоу, сокрушенных бэйдийцами?

— Яньчжоу — первая линия обороны на границе. Если Яньчжоу падет, а Лянчжоу и Чэньчжоу не успеют прийти на помощь, бэйдийцы смогут беспрепятственно двинуться на юг, захватить Сучжоу и пойти напрямиком на Ецзин. Готов ли венценосный брат единолично отвечать за безопасность Ецзина?

Наследный принц лишился дара речи. В военном деле он ничего не смыслил, а потому смог лишь неуверенно возразить:

— С чего бы обстановке быть настолько критической, как описывает второй брат? Даже если Яньчжоу падет, позади есть Сучжоу. Неужели Шэньту Сюй не удержит оборону? Или воины нашего Да Е настолько беспомощны, что не в силах сдержать кучку северных варваров?

Сяо Чжигэ холодно ухмыльнулся:

— Спросил бы ты сперва старого генерала Шэньту, сможет тот удержать оборону или нет.

— Хватит! — недовольно прервал их перепалку император Аньцин.

Его выражение лица менялось несколько раз: он всё же опасался, что бэйдийцы действительно прорвут оборону Яньчжоу. Наследный принц был молод и ни разу не бывал на поле боя, но сам император в свое время ходил в походы с прошлым государем. Дикая свирепость бэйдийцев действительно внушала ужас.

Трое обычных воинов не всегда могли одолеть одного бэйдийского всадника. Иначе с чего бы бэйдийцы долгие годы оставались постоянной угрозой для Да Е? За все эти годы в Да Е нашелся лишь один человек — Сяо Чжигэ, — который мог быть еще свирепее самих бэйдийцев и заставлял их трепетать от страха.

Поколебавшись какое-то время, император Аньцин взмахнул рукой:

— Ладно, ступай. В этой битве дозволена только победа, поражение недопустимо!

— Слушаюсь, — Сяо Чжигэ опустился на колени, принимая указ, после чего поднялся и, сгибаясь под ветром и снегом, направился за городские ворота на смотр войск.

Автор хочет сказать:

Сяо Чжигэ: Но-но сказал, что по возвращении мы сможем исполнить супружеский долг (тайком ликует).

Ледяной ветер кружил хлопья снега, пыль с тракта поднималась в воздух за городскими воротами. Восемьсот воинов налегке ждали лишь приказа Сяо Чжигэ, чтобы устремиться в Яньчжоу. Все они были доверенными людьми, которых князь привез с собой из Яньчжоу в столицу. Протомившись в пышном и чуждом Ецзине два-три месяца, они, едва услышав о возвращении в Яньчжоу, пришли в неописуемый восторг. Их стройные отклики и кличи были слышны даже у самых городских ворот.

Кутаясь в лисий мех, Ань Чанцин вытягивал шею, всматриваясь в затянутую песчано-снежной дымкой даль. Из дворца уже донеслось известие: Бэйчжань-ван отправляется в Яньчжоу на битву с бэйдийцами.

Юноша погладил завязанный узел свертка, который принес с собой. Внутри лежала легкая одежда, сухой паек и крепкое вино — всё это он лично приготовил для Сяо Чжигэ. Вот только князь, верно, уже собирал войска в лагере за городом, и Ань Чанцин не знал, представится ли случай передать ему эти вещи.

Ань Чанцин тихо вздохнул и бессознательно крепче прижал сверток к груди.

Громкий клич воинов вдалеке привлек внимание и других людей за городом. Навесы с бесплатной кашей от поместья князя были установлены за пределами Ецзина. Помимо горячей каши по утрам, эти простые шалаши под навесами служили временным пристанищем для тех, кому некуда было податься. Из-за сильных холодов по вечерам там ставили жаровни с углями, так что здесь, среди множества людей и у огня, было даже теплее, чем в иных убогих постоянных дворах. Поэтому, кроме нищих и беженцев, сюда на ночлег нередко приходили и бедные ученые.

Впрочем, нищие и ученые держались строго обособленно, образуя два явно разделенных лагеря.

Один старый нищий, прислушиваясь к топоту копыт вдалеке, со вздохом произнес:

— Опять война... Я слышал, на севере случилась беда, умерло полно народу. Интересно, сможем ли мы победить в этой битве?

— Пока Бэйчжань-ван на страже, разве у этих северных варваров хватит дерзости прийти?

— Так Бэйчжань-вана же нет на границе, — тихо возразил кто-то. — Эти бессовестные дикари воспользовались моментом. Если они прорвут оборону, представить страшно, сколько людей погибнет.

Пока нищие тихо переговаривались, сидевшие по другую сторону ученые с разным выражением лиц слушали их. Один из них не выдержал и посмеялся:

— В нашем Да Е что, кроме Бэйчжань-вана, и генералов больше нет? Не один же он всю границу держит! Жестокого военачальника возомнили спасителем и милосердным Бодхисатвой? Воистину, узколобый люд!